

²⁴ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 106–107.

²⁵ Каменный уголь, доставлявшийся с севера Англии по морю.

²⁶ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 193.

²⁷ Ibid. P. 158.

²⁸ Ibid. P. 168.

²⁹ Ibid. P. 31.

³⁰ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 158, 168, 270.

³¹ Ibid. P. 160.

³² Ibid. P. 198, 199.

³³ Ibid. P. 224.

³⁴ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899. С. 320.

³⁵ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 224.

УДК [94:327](420+47)|17|

НАЧАЛО АНГЛО-РУССКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В РАМКАХ «ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА» («ОЧАКОВСКИЙ КРИЗИС» 1791 г.)

Л. Р. Сабитова

Саратовский государственный университет
E-mail: Sabitovailiya90@mail.ru

В статье рассматривается специфика дипломатического противоборства Англии и России на начальной стадии возникновения «Восточного вопроса». В центре внимания автора – вмешательство правительства Англии в события русско-турецкой войны 1787–1791 гг., предпринятое в целях обеспечения контроля над мирными переговорами.

Ключевые слова: Англия, Россия, русско-турецкая война 1787–1791 гг., Тройственный союз, дипломатия посредничества

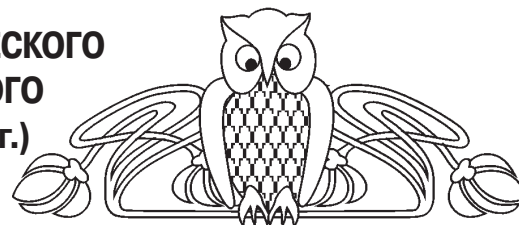
The Beginning of the Anglo-Russian Diplomatic Confrontation within the Frame of the «Eastern Question» («The Ochakov Crisis» of 1791)

L. R. Sabitova

The article describes the peculiarities of the Anglo-Russian diplomatic controversy at the first stage of the «Eastern Question». Much attention is paid to the British intervention in the course of the Russo-Turkish conflict of 1787–1791 in order to seize the control over peace negotiations.

Key words: Britain, Russia, Russo-Turkish war of 1787–1791, Triple Alliance, mediating diplomacy.

«Восточный вопрос» как комплекс противоречий, сопровождавших упадок Османской империи, на протяжении XIX – начала XX столетия спровоцировал череду острых дипломатических и военно-политических конфликтов между европейскими странами. Основными претендентами на раздел наследства «безнадежно больного человека» – султанской Турции – выступали такие влиятельные континентальные государства, как Англия, Франция и Россия. Наиболее ярким начальным проявлением европейских амбиций в зоне имперских владений Стамбула – прежде всего, в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке – стало, по мнению большинства исследователей, образование коалиции европейских государств под лозунгом оказания военной помощи Порте в ответ на вторжение войск На-

полеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798). Однако действия «защитников» территориальных интересов Турции имели свою предысторию. В ретроспективном аспекте наибольший интерес вызывает «Очаковский кризис» 1791 г., едва не приведший Англию и Россию, внешнеполитические интересы которых впервые пересеклись в регионе Восточного Средиземноморья, к полномасштабному военному столкновению.

Как известно, в годы правления Екатерины II (1762–1796) Российская империя продолжила успешные войны со своим южным соседом – Турцией. Блестящая победа русских войск в войне 1768–1774 гг. и выгодный для Петербурга Кючук-Кайнарджийский мирный договор, обеспечивший включение в состав России Крыма и Северного Причерноморья¹, позволили России заявить о своих претензиях на выход в акваторию Средиземного моря. Уже в ближайшее время Российская империя могла стать здесь реальным соперником таких морских держав, как Англия и Франция. Разумеется, ни Лондон, ни Париж подобные перспективы не устраивали. Правительства обеих стран приветствовали участие русских войск лишь в спасении Европы от «турецкой угрозы». Возросшая же активность Северной Пальмиры, угрожавшая ликвидацией Османской Порты в одностороннем порядке, расценивалась ими в качестве недопустимого посягательства на уже сформированный мировой и региональный порядок.

Особую обеспокоенность продвижением России на Восток выказывала Франция. Следует напомнить, что эта влиятельная держава с XVI века располагала на территории Османской империи особым статусом. Не желая разделять собственного успеха с Россией, Франция стремилась помочь Порте взять военный реванш. В 1787 г. французским дипломатам удалось спровоцировать новую русско-турецкую войну². Однако насладиться итогами своей политики Парижу не удалось, поскольку в стране началась революция.

Ослаблением Франции незамедлительно воспользовалась Англия, которая желала усиления своего влияния и в Европе, и на Ближнем Востоке. В первую очередь, ангlosаксы стремились перехватить контроль над Средиземноморской торговлей у своего главного континентального соперника – Франции. По этой причине в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Англия неофициально поддержала Россию, в то время как Франция усиленно опекала Турцию³. Однако успехи России, претендующей на избыточную, по мнению западных столиц, самостоятельность в международной политике, заставили англичан пересмотреть своё отношение к новому участнику региональной стратегии.

Во второй половине 80-х гг. XVIII столетия английский премьер-министр У. Питт-младший впервые заговорил в парламенте о факте существования «Восточного вопроса». Главным соперником Англии в этой области он назвал Российскую империю⁴. Прогнозируя будущее развитие ситуации, политик утверждал, что следующим шагом России, нацеленным на развитие успеха на южном направлении её внешней экспансии, должно стать обеспечение прохода своих военных кораблей через турецкие проливы (Босфор, Дарданеллы) к Ионическому архипелагу, с возможным захватом некоторых греческих островов. Следует отдать должное провидению британского государственного мужа, поскольку в самой России в то время существовал только абстрактный «Греческий проект», наброски которого были изложены Екатериной II в письме к австрийскому императору Иосифу (1782). Сама императрица в переписке с Г. А. Потемкиным признавалась, что «проект» весьма далек от практической реализации, а «политический состав Оттоманской монархии еще отдален от конечного его разрушения»⁵.

Несмотря на отсутствие у России серьёзных «наступательных» намерений, Англия, пользуясь временным уходом с международной арены революционной Франции, уже не могла оставаться сторонним наблюдателем очередного русско-турецкого столкновения (1787–1791). Впрочем, русскому послу в Лондоне был обещан нейтралитет Англии, заинтересованной в последующем вовлечении Петербурга в уже формируемую антифранцузскую коалицию⁶. Однако, наряду с этим, правительство Англии приняло решение всячески тормозить продвижение России на Восток⁷. Следует отметить, что наметившиеся антирусские мотивы лондонского курса опирались на поддержку заинтересованных европейских держав. Ещё летом 1788 г. Англия заключила с Пруссией, а затем и с Голландией Тройственный союз. Согласно секретной части подписанного договора, союзники обязались действовать «в совершенном и тесном согласии» в вопросах, связанных с русско-турецкой войной, и ограничить свободу действий России на Ближнем Востоке.

Справедливости ради следует заметить, что тайные переговоры о союзе вели также французские и русские дипломаты, о чем свидетельствуют отчеты французского посланника в Петербурге Л. – Ф. Сегюра. Однако, по его собственному признанию, более весомому ослаблению позиций Англии и Пруссии на основе франко-русского союза мешали внутренние дела во Франции, ухудшение которых сильно волновало Петербург. Князь Потемкин, по словам Сегюра, настаивал на проведении французским правительством какой-либо значительной военной или дипломатической операции (например, отправки войск во Фландрию), с целью доказать, что Париж сохраняет прежний вес в европейских делах. К тому же он хотел удостовериться, что Франция ищет сближения с Россией в целях формирования стратегического союза. В ответ на это французы выразили готовность предложить дипломатическое посредничество в улаживании военных конфликтов, в которых на тот момент была задействована Россия⁸. Однако процесс образования двух конкурирующих европейских коалиций прервали события Французской революции. В этой ситуации Англия и её союзники получили кратковременное преимущество, а сам Лондон попытался перейти в дипломатическое наступление против России, которая одержала очередную победу над Турцией. Бесцеремонные действия Англии спровоцировали острый конфликт в отношениях с Петербургом.

Непосредственным поводом для столкновения стал категорический отказ России уступить ультимативным требованиям Тройственного союза о заключении преждевременного мира с Турцией. Во исполнение данной инициативы русские должны были возвратить уже занятые земли между Бугом и Днестром, а также турецкую крепость Очаков. Именно вопрос о возвращении Стамбулу захваченного Очакова стал решающим. Россия не уступала, а потому весной 1791 г. оказалась на пороге открытого вооруженного столкновения с Англией⁹. Уже давно многие отечественные и зарубежные исследователи признают, что именно «Очаковское дело» ознаменовало собой начальную веху в истории «Восточного вопроса» с непосредственным участием Англии¹⁰.

Как же развивались предшествующие события? В августе 1787 г. Турция объявила России войну. Это решение Стамбула было вызвано страхом перед российской экспансией, одним из проявлений которой явилось присоединение к империи Крыма (1783). Франция, которая всячески разжигала конфликт, в условиях внутреннего кризиса и внешнеполитических неудач в Нидерландах не смогла напрямую вмешаться в столь ожидаемое и желанное русско-турецкое столкновение. Однако даже вынужденный нейтралитет Франции не разрядил тревожной обстановки на границах Российской империи, вынужденной

воевать на два фронта: на юге – с Турцией, на севере – со Швецией. При этом Петербург находился во враждебных отношениях с Пруссией из-за противоречий в Польше. Что касается Англии, то она, как уже было отмечено выше, также склонялась к недружественной политике¹¹.

Новые противники России всё более активизировались. Английские и прусские дипломаты в Стамбуле прилагали значительные усилия, чтобы в собственных интересах затянуть русско-турецкую войну. Русский посол Я. И. Булгаков неоднократно писал в Петербург о провокационной деятельности англичанина Р. Эйнсли, разжигавшего воинственный пыл турецкого правительства обещаниями военной помощи: «беснуются они таким образом, что не только министрам, но и маклерам непристойно, и уверяют всех, кто их готов слушать, в слабости России и императора»¹². Весной 1789 г. Р. Эйнсли и прусскому послу Г. Дицу удалось расстроить мирные переговоры, начатые Россией и Австрией при посредничестве французского посланника М. Шуазеля-Гуффье¹³.

Главной целью сторонников войны являлся выигрыш времени с тем, чтобы заставить Екатерину принять многократно отвергнутое ею английское посредничество в мирных переговорах с Турцией¹⁴. Весной 1790 г. Англия открыто потребовала от России немедленно заключить мир с Турцией и Швецией на основе отказа от всяких территориальных выгод. Со своей стороны, не желая упускать инициативу, Екатерина II отдала распоряжение вести с Турцией неофициальные мирные переговоры, в ходе которых Г. А. Потёмкин наотрез отказался удовлетворить инспирированное Англией и Пруссией требование великого визиря Гасан-паши о созыве миротворческого международного конгресса. Потёмкин писал императрице, что турки надеются во время конгресса «впустить другие державы действовать в их пользу».

Затягивая переговоры, дипломаты Тройственного союза пользовались любыми возможностями, чтобы заставить Турцию поверить в искренность обещаний Англии и Пруссии начать войну с Россией. В начале 1790 г. Пруссия подписала союзный договор с Турцией, согласно которому весной 1791 г. она должна была начать военные действия против России. Осенью 1790 г. британский посол Р. Эйнсли не скупился на обещания, убеждая турецких сановников продержаться ещё некоторое время. При этом он сулил турецкому правительству помощь организованной Англией мощной общеевропейской коалиции, которая, по его словам, лишь ждёт сигнала, чтобы объявить войну России. В то же время призыв султана поддержать Порту хотя бы демонстрацией британской силы в Черном море остался без ответа¹⁵.

После тяжёлых военных поражений Турции, понесённых во второй половине 1790 г., особенно после падения Измаила, в этой стране

усилилось стремление как можно скорее заключить мир с Россией. Действительно, в конце 1790 г. сменивший на престоле Абдул-Хаида I султан Селим III был готов немедленно начать мирные переговоры. Ещё до этого перестановки в правящих и военных кругах Порты привели к тому, что на руководящих постах в основном оказались противники войны. В этой ситуации освобождение русского посла из Семибашенного замка затягивалось, по его собственным словам, «лишь из-за боязни открыто показать Европе уменьшение русско-турецкой вражды»¹⁶. Почти открыто за него ходатайствовали по-прежнему заинтересованные в благожелательности русского двора французы. Но дипломаты Тройственного союза поспешили принять свои меры. Под их давлением заколебавшийся Стамбул решил продолжать уже проигранную войну.

Однако предпринятое на Россию давление оставалось безрезультатным. Императрица твёрдо отказалась от сохранения предлагаемого *status quo*, заявив британскому послу: «Я знаю, что Ваш двор определил меня изгнать из Европы; надеюсь, что, по крайней мере, он позволит мне удалиться в Царьград»¹⁷. В этой ситуации, осознав тщетность дипломатических средств, правительство Питта перешло к военным угрозам в отношении России. Британский посол в Берлине, Дж. Эварт, предлагал убедить Порту, что Англия готова к прямым действиям в целях обеспечения её безопасности на суше и на море. «Я оставляю, – писал он Питту, – вопрос о том, как далеко мы должны пойти, на Ваше усмотрение». Результатом такого демарша, полагал этот дипломат, будет установление британской гегемонии в Стамбуле на постоянной основе, что приведет «к принятию тех коммерческих и иных предложений, которые мы посоветуем». Эварт полагал, что дипломатические требования должны быть обязательно подкреплены военными приготовлениями: «Россия должна вернуть Порте завоёванное, не только потому что Очаков и его окрестности действительно важны для турок. Это дело второстепенное, если сравнить его с тем решающим влиянием, которое результат нынешнего спора окажет на силу и постоянство политики нашей страны. Или мы заставим Россию уступить, или все наше влияние в Берлине, на севере и в целом не продлится слишком долго»¹⁸. Настойчивым призывам Эварта соответствовал и тон посланий лорда Ч. Уитворта, британского посла в Петербурге.

В начале 1791 г. британская дипломатия, перейдя в решающее наступление против Петербурга, попыталась добиться международной изоляции России. Однако решение этой стратегической задачи Лондону оказалось не по силам. «Слабым звеном» в цепи британских интриг оказалась Пруссия. В Берлине, который ещё не забыл присутствия на своих улицах русских гренадёр, не было полной уверенности и единства

во взглядах на конфронтацию с Россией. Выжидательную позицию в итоге заняла и Голландия. В конечном итоге, «Очаковский кризис» оказался проверкой на прочность самого Тройственного союза, и этой проверки наспех сформированная коалиция не выдержала. Безусловно, немаловажную роль в развитии событий внесла Французская революция. Как известно, новая Франция, хотя и ослабленная внутренними потрясениями, не прекратила участия в европейских делах. При этом внешнеполитические амбиции сложившегося буржуазного государства вскоре вступили в прямое противоречие с интересами старых феодальных европейских империй. Новая внешнеполитическая стратегия Парижа вызвала тревогу в Лондоне, который быстро осознал все преимущества сближения с Россией. В этой ситуации другие потенциальные противники России – Швеция, Дания, Священная Римская империя – заняли выжидательную позицию, лишь наблюдая за ходом событий. В целом, как показали события, Тройственный союз не был нацелен на военное противодействие России, равно как и на реальную помощь Порте. Континентальные союзники англичан, особенно Пруссия, считали антирусскую коалицию лишь средством дипломатического давления на императрицу, «свобода рук» которой в «Восточном вопросе» должна была быть куплена, по их мнению, путем уступок в европейских делах¹⁹.

Однако осознание подлинных стратегических возможностей сформированной под эгидой Англии коалиции, было обретоено не сразу. По этой причине в марте 1791 г. между Лондоном и Берлином было достигнуто соглашение о совместном ультиматуме России и открытии военных действий, если Екатерина II откажется удовлетворить требования союзников. В Англии всерьез готовились к войне. К концу марта 1791 г. эскадра из 36 линейных кораблей была готова к отплытию в Балтийское море. Небезынтересно отметить, что это соединение было намного сильнее той эскадры, которая помогла позднее Нельсону одержать победу при Трафальгаре²⁰. Отметим в этой связи, что будущий знаменитый адмирал сомневался в успехе предполагаемой операции на Балтике, высоко оценивая боеспособность русского флота²¹.

Поскольку кризис в англо-русских отношениях достиг апогея, британский премьер-министр обратился к парламенту с просьбой о выделении военных кредитов. Однако его предложение неожиданно встретило бурный протест со стороны представителей торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в России, как в источнике сырья и рынке сбыта. Отражавшая эти настроения, оппозиция в лице своего лидера Ч. Дж. Фокса выступила в парламенте с решительным осуждением воинственных планов Питта. Русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов, со своей стороны, использовал для нейтрализации

политики Питта собственные деловые связи, а также контакты с оппозицией и прессой. Его единомышленники в Лондоне сочиняли памфлеты, разоблачающие политику британского кабинета²². Против войны с Россией были настроены и некоторые влиятельные сторонники правительства. В результате эти настроения привели к разногласиям в самом кабинете Питта. Один из его участников писал: «Как можно искать объяснение началу войны из-за Очакова? Мы пытаемся защитить и поддержать Турцию, которая сама же объявила войну России! И ради этого мы рискуем своим авторитетом на континенте, мы отправляем огромную эскадру навстречу всем трудностям Балтики?! Я положительно не понимаю этих джентльменов, которые выступают за войну. Они говорят, что здесь задета честь нации, однако вопросы чести нации не должны противоречить национальному благоразумию»²³. Звучали даже откровенные намеки на то, что Питту «достанется» от Екатерины, как бы он ни был окрылен своими прежними дипломатическими и военными победами. Оказавшись под угрозой серьезного политического кризиса, воинственный премьер-министр Англии отказался от планов войны с Россией. Османская империя была брошена на произвол судьбы и волю победителя.

Впрочем, следует вновь повторить: несмотря на многочисленные обещания, отправлять войска на защиту Стамбула в Европе никто не собирался. Об этом, в частности, свидетельствует переписка и самих британских дипломатов. «Если Порте и надлежит помогать, – писали они, – то только умеренными силами. Надо усиливать ее потенциальных защитников и дать ей гарантии сохранения ее владений. Что же до России, то главное – остановить ее продвижение вперед и захват новых турецких территорий, а вовсе не попытка непременно настаивать на status quo»²⁴. В итоге, согласно статьям Ясского мирного договора, подписанного 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г. по новому стилю), Турция была всё-таки вынуждена уступить Очаков. Таким образом, планы Англии по установлению своей гегемонии в Европе и на Ближнем Востоке остались тогда не реализованными. Совсем скоро ближневосточные дела отошли для Лондона на второй план в связи с началом открытого противостояния с революционной Францией, в ходе которого Англия и Россия оказались союзниками. Тем не менее «Очаковский кризис» и «военная тревога» весны 1791 г. стали грозным предзнаменованием англо-русских противоречий в «Восточном вопросе», наложивших свою печать на весь последующий ход международных отношений.

Примечания

¹ См.: Ключук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России : сб. архивных документов. М., 1992. С. 78–82.

- ² См.: Miller W. Europe and the Ottoman Power before the Nineteenth Century // The English Historical Review. 1901. Vol. 16, № 63. P. 454.
- ³ См.: Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69, № 270. P. 39–58.
- ⁴ См.: Егоров А. А. Уильям Питт-младший и некоторые аспекты внешней политики Великобритании в 80-е годы XVIII в. // Британские исследования. Ростов н/Д, 2006. Вып. 2. С. 166.
- ⁵ Коршунова Н. Восточный вектор геополитики Екатерины II: «Греческий проект» // Вестн. Челяб. ун-та. 2003. № 10. С. 66.
- ⁶ См.: Донесение Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра России в Лондоне графа С. Р. Воронцова императрице Екатерине II от 19 (30) января 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 400. Л. 29–40 об. Подл. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ⁷ См.: Cunningham A. The Oczakov debate // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1, № 3. P. 211.
- ⁸ См.: Дешети № 19–22 полномочного французского министра в Санкт-Петербурге Л.-Ф. Сегюра министру иностранных дел Франции А. Монморену, март 1789 г. // АВПР. Ф. Секретнейшие дела (перлюстрации). Оп. 6/2. Д. 47. Л. 445–452 об. Копия (шифр.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ⁹ См.: Станиславская А. М. Англия и Россия в годы второй русско-турецкой войны (1787–1791) // Вопр. истории. 1948. № 11. С. 31.
- ¹⁰ См.: Rose J. H. Britain and the Eastern Question // J. Intern. Relations. 1922. Vol. 12, № 3. P. 307–308.
- ¹¹ См.: Соколов А. Б. «Очаковское дело»: англо-российский конфликт 1791 г. // Отечественная история. 2002. № 4. С. 3.
- ¹² Дешета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова члену коллегии Иностранных дел А. А. Безбородко от 15 (26) августа 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 722. Л. 84–87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹³ См.: Письмо вице-канцлера графа И. А. Остермана французскому послу в Стамбуле графу М. Шуазель-Гуффье (С пометкой Екатерины II «Быть по сему») от 30 марта (10 апреля) 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 526. Л. 7–10. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁴ См.: Письмо прусского короля Фридриха-Вильгельма послу в Стамбуле Г. Дицу от (2)13 января 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Австрией. Оп. 32/6. Д. 1067. Л. 57–59. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁵ См.: Webb P. L. Sea Power in the Ochakov Affair of 1791 // The International History Review. 1980. Vol. 2, № 1. P. 17.
- ¹⁶ Дешета чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Я. И. Булгакова члену коллегии Иностранных дел А. А. Безбородко от 15 (26) августа 1789 г. // АВПР. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 722. Л. 84–87. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- ¹⁷ Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1880. С. 193.
- ¹⁸ Цит. по: Соколов А. Б. «Очаковское дело»: англо-российский конфликт 1791 г. С. 8.
- ¹⁹ См.: Cunningham A. The Oczakov debate // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1, № 3. P. 215.
- ²⁰ См.: Ehrman J. The Younger Pitt. The Reluctant Transition. Stanford, 1983. P. 20.
- ²¹ См.: Nelson to W. Cornwallis, 4 April, 1790 // Webb P. L. Sea Power in the Ochakov Affair of 1791 // The International History Review. 1980. Vol. 2, № 1. P. 23.
- ²² См.: Black J. Parliament and foreign policy 1763–93 // Parliaments, Estates and Representation. 1993. Vol. 13, № 2. P. 165.
- ²³ Auckland to Burges, 29 March, 1791 // Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 257.
- ²⁴ Leeds to Ewart, 21 May, 1790 // Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 261.

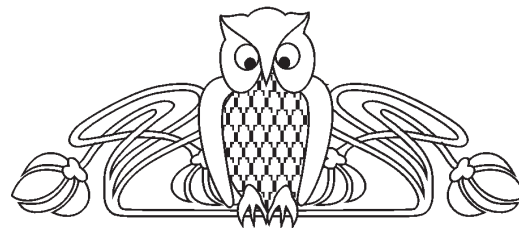
УДК 32.37

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДИАЛОГ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

Р. Р. Алиева

Таджикский государственный университет коммерции, Худжанд
E-mail: rafoat50@mail.ru

В статье выявлены и рассмотрены основные этапы формирования Шанхайской организации сотрудничества. Определяется роль ведущих мировых держав в регионе. Рассматривается взаимодействие государств-членов ШОС в культурной и гуманитарной сферах. Отражены формы сотрудничества Республи-

ки Таджикистан и Китайской Народной Республики в области культуры.

Ключевые слова: Культура, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), выставки, проекты, фестивали, творчество, взаимодействие, научное сотрудничество, декада, образование.